

№ 60 (39) СИВКА-БУРКА

Жил старик со старухой, и было у них трое сыновей. Старший – умный был детина; средний – и так и сяк, а третий вовсе был дурак. Жили они, жили, старуха умерла, а старик позвал детей и говорить:

– Вот, мои детки, когда я умру, то вы ко мне будете приходить. Первую ночь придеть старший сын на мою могилу. Вторую ночь придеть средний. А третью ночь придеть Ваня.

Умер старик. Надо идти старшему сыну. А он же боится ночью идти на кладбище! Он стал просить брата:

– Ванечка, брат, сходи за меня ночью, подежурь!

– Не пойду! Что я там буду делать? Не пойду!

Но потом согласился:

– Дайте мне белую шубу, красный кушак и пирог, и я пойду!

Вот дали ему белую шубу, красный кушак подпоясали, и пошёл, бобов еще всыпал в карман. Идеть, считает звёзды, идеть. Приходить на могилку. Палочкой стук-стук по могилке. Говорить:

– Могилочка, раскройся, а батюшка, встань!

Могилка раскрылась, батюшка встал.

– Здравствуй, – говорит, – папа!

– Здравствуй, Ваня. А что же Артюха?

– Боится тебя, папа!

– Ну что ж, раз боится, то ладно!

Вот он [Ваня], сколько мог, Богу помолился, постоял.

Тогда [отец] и говорить:

– Вот, сынок, тебе по наследству коза-золотые рога. Ты тогда только позовешь Сивку-Бурку, он тебе всё расскажет.

Ну вот, ишёл домой, ишёл и думать: «Как же я так домой приду?» Он пошёл, шубу порвал. Идеть. Пришёл домой.

– Ну что там тебе батька сказал?

– Да меня батька чуть не замучил! (Он приврал им).

Пришёл, лёг на печи, [в] дудочку играть и поеть песню.

Дурак по- дурачки делаеть.

Приходит вторая ночь. Вторая братова* бегаёт коло яго, ласкова, пирог ему сделала получше, побольше. Этот уже Филарет отвечает:

– Братетка, сходишь за меня, ночку подежуришь?

– Не пойду! Меня там батька чуть не замучил, а теперь, может, совсем замучает!

– Ну, сходи, братетка, сходи!

Ну, и согласился. Только белую шубу, красный кушак и пирог за пазуху. Вот он и пошёл. Приходить на могилку. Палочкой стук-стук по могилке: «Могилка, раскройся, и батюшка, встань!» Могилка раскрылась, и батюшка встал:

– Здравствуй, – говорит, – папа!

– Здравствуй, Ваня. Опять ты, Ваня?

– Да, бояться тебя, папа!

Что и мог, Ваня Богу помолился. И тогда [отец] говорить:

– Ну вот, сынок, теперь тебе свинка-золота шерстинка тебе в наследство!

Ну, вот и пошёл домой. Шёл домой, шубу порвал всю в кусочки и выкатил* всю в грязь и, как переступил порог дома, так и повалился:

– Вот, – говорит, – как меня батька замучавши, чуть живой остался!

А ты уже рады, ихнюю ночь откараулил – и всё! Тогда приходит явоная ночь. Он ни у кого ничего не спрашивает, одел свою свитку*, ўсыпал бобов в карман, подпоясавши верёвкой и пошёл. Приходит на могилку, стук-стук по могилке и говорить: «Могилка, раскройся, батюшка, встань!» Могилка раскрылась, батюшка встал:

– Ты, Ваня?

– Я, папа.

Богу [Ваня] помолился.

– Всё, – говорит, – сынок, служил мне всю жизнь Сивка-Бурка, теперь будет служить тебе.

Он крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец этот бежить – земля дрожить. С ноздрей полымя, из ушей дым, а с жопы жар* сыпится. Вот и говорит Сивке-Бурке:

– Сивка-Бурка, ты служил мне по гроб жизни, а теперь служи моему сынку Ване! Что он тебе прикажет, ты это делай! Теперь, Ваня, сядь верхом на него и покатайся!

Ваня вот как сел, и как начал... он [конь] не по земле бежал, он летел по воздуху! И сколько ни летал, а он [Ваня] сидел! И тогда опять к могилке пришли. И тогда [Ваня] в левое [ухо] влез, в правое вылез и стал опять дураком. Теперь и говорить:

– Теперь, папа, я пошёл!

– Теперь до свиданья, сынок! И ты, Сивка-Бурка, делай то, что Ваня скажет!

Утром приходит [Ваня] домой. Пришёл, разделся, влез на печку и там делает своё: [в] дудочку играет, попелем* перетирает. Сколько так набыло.

У царя была красавица-дочь. Две были замужем, а третья была очень красивая, и она женихов не подбирала. Это в царя, она повешала объявление такое: она будет на третьем этаже, и кто с ходу на лошади вспрыгнет туда и достанет её портрет, она успеет надеть ему кольцо на палец. И всё.

Значит, пришёл тот день. Надо ехать. Вот собираются братья. А приказано так: со всего государства все, все, все мужчины, кроме совсем старых. Собираются братья, а Ваня говорит:

– А можа, и меня б взяли б?

– Тьфу, дурак, кому ты там нужен?

Ну вот, они поехали. Он там через день, через два, там через сколько говорит:

– Дайте, братовы, корзинку, я пойду в грибы!

Дали братовы корзинку, он, значит, пошёл. Дошёл до первого леса, корзинку повешал на сук, крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец бежить – земля дрожить! Ну вот, когда прибег, говорить:

– Что тебе, Ваня, за тужба*, а мне служба?

– А вот, – говорит, – так: надо царевну поцеловать на третьем этаже!

– Нет, – говорит, – мальчик, штаны у нас еще коротки. Но мы поедem, но мы этого не сделаем.

Он [Ваня] в правое влез ухо, в левое вылез. Он такой стал красавец, такой одетый красиво! Он сел верхом в седло на этого коня и поскакал. Он догнал братьев: одному плёткой и другому.

– Митюх, какой-то парень красивый, за что он нас ударил?

Он [Ваня] как летел, так на первый этаж вскочил. А царевна как увидела, так закричала: «Держите его, держите...» (Он ей сразу понравился. Она бы за этого парня сразу замуж пошла). Ну, кто попытался держать, того эта лошадь стоптала! Он помчался, так доехал до своей корзинке. Опять в левое [ухо] влез, в правое вылез. Опять стал Ваня-дурак. Пошёл по лесу, набрал всяких разных грибов, какие ему попадались: и червивые, и всякие. Набрал корзинку, принёс и говорит:

– Натё, братовы, варите! Ты ж приедуть голодные, они съядуть.

Они стали перебирать, а там грибов нет, там все плохие.

Приехали братья, приехали и говорят:

– Да, – жёнам рассказывают, – есть у нашем государстве человек! Лошадь – мы таких не видали лошадей, какая лошадь! Но парень там в седле, он страшно красивый! А за что он нам по разу плёткой? И он как летел, так ускакал на первый этаж. Царевна закричала: «Держать!», но никак его не удержать! Никто, никто! Он опять ускакал.

Тут она [царевна] опять объявление [повесила] через несколько дней, чтоб опять собирались. Собрались. Опять братья собираются ехать. Он [Ваня] опять просится:

– Возьмите, братетки, меня!

– Иди, дурак! Там без тебя хватает!

Несколько дней подождал, потом:

– Дайте, братовы, корзинку, я пойду в грибы!

Дали корзиночку. Он пошёл. До лесу дошёл. Крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец бжигить – земля дрожить, с ноздрей полымь, с ушей дым!

– Что, – говорит, – тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

– Царевну надо поцеловать на третьем этаже!

– Не, – говорит, – подождём. Мы ишшо не созрели, чтобы нам высоко скакать. Мы поедем всё равно.

Он [Ваня] в правое влез, в левое вылез. Он был красив, стал ещё красивей. Сел в седло и поскакал. Догнал братьев, по два раза плёткой им – и поскакал! Как летел, так на второй этаж залетел! Но тут она закричала: «Держите как-нибудь, держите!» Кто попытался держать, того конь стоптал. Поднялся почти по воздуху и полетел.

Дошёл [Ваня] до своего места, набрал всяких разных грибов, принёс:

– Нате, – говорит, – братовы, варите! Приедут тые голодные. Они тогда ўсё съедять.

Стали братовы перебирать: там нет грибов хороших. А он на печку влез и дело свое делает.

Ну, приехали братья, говорят:

– Всё-таки есть у нас человек красивый! А лошадь там – мы не можем представить, какая лошадь! Она прямо разрисованная вся! И, – говорить, – вскочил на второй этаж, а царевна закричала. А там ведь собрали военную часть. Боже спаси: никто не удержал! Он улетел.

Тогда через день появилось объявление (ей не терпелось: ведь есть красивый человек в государстве!) Собираются опять братья. Он опять просить:

– Братцы, возьмите меня!

– Замолчи, дурак! Что тебе там делать?

Они поехали. Он опять попросил у братовых корзинку. Пошёл в лес, крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец бежить – земля дрожить, с ноздрей полымь, а с жопы жар сыпится! Такой красивый, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Прискакал и говорить:

– Что, тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

– Царевну надо поцеловать на третьем этаже!

– Ту, это не служба, а службишка! Щас садись в седло, щас поедем, токо крепче держись!

Он [Ваня] в левое [ухо] влез, в правое вылез – он был красивым, а стал ещё красивше, одет красиво! Сел верхом и поехал. Догонять братьев – по три раза плёткой каждому. И как летел, так на третий этаж вскочил. Она успела его поцеловать, свой перстень одела ему на палец. Тут уж все полки попытались его задержать, а он поднялся в воздух и улетел.

Прилетел к своему месту. В правое [ухо] влез, в левое вылез и опять стал Ваней-дураком. Набрал грибов всяких разных, принёс. Братовы стали смотреть, а там и нет хороших!

Братья приехали и говорят:

– Да, всё-таки есть у нас в государстве красивый человек! Но его никто не задержал. Яго лошадь поднялась в воздух и улетела.

Он [Ваня] лежал на печи (да, когда он в правое [ухо] влез, в левое вылез, видеть: на пальце сильно блестить; он его [палец] тряпкой закрутил, которую оторвал от портянки). Когда лежал на печи, захотелось ему посмотреть на кольцо. А отвязал тряпку, и в комнате стало светло. Братья закричали:

– Что ты, дурак, там делаешь, хату спалишь!

А своим жёнам рассказывают:

– Есть в государстве парень!

А он говорить:

– А можа, это я был там?

– Тьфу, дурак!

– А вам, – говорить, – диво? А мне было!

Где ж они могли поверить!

Через некоторое время появилось объявление, чтоб все явились, кроме совсем лежачих. Явились. Собираются все, опять Иван просится:

– Братья, давайте и я поеду!

– Еще таких дураков не хватало!

Все поехали, а он крикнул громким голосом, богатырским свистом. Лошадь прибежала. Он в правое [ухо] влез, в левое вылез и стал красивый. Доехал до дворца. Опять в левое влез, в правое вылез. Стал опять дураком. Пошёл на кухню во дворец. Там кухарки то косточку ему дадут, он обгложет. Там он несколько дней жил.

А принцесса сначала обносила гостям водку. Водку дать и глядеть на палец. Сначала генералам да адмиралам, полковникам, всем военным, потом служащим, потом крестьянам, и всё нет его! Потом всем старцам*. А его все нет!

Вышла кухарка и говорит: «Ещё у нас один есть человек!» Принцесса пошла на кухню, глядеть, а у него палец завязан. Развязала грязную портянку, глядь, а у него кольцо!

Она обтёрла ему сопли, поцеловала. «А как же могло случиться, что он был таким красивым?» Она пошла, сказала отцу: так и так. А у отца сразу костюм Ивану нашли хороший и давай венчать его. Царь сообразил: «Не мог же такой старец ездить на такой лошади. Здесь что-то фальшиво!» Пока собирались венчать, Иван влез в печку, перепачкался в пепел, его вынули, вымыли, одели хорошенько, и пошёл он под венец. И повенчали.

Стали они жить. Царь ничего не понимает! Ивану построили будку и говорят: «А ты гоняй воробьёв!» Он воробьёв погоняет, ляжет в будку и спать.

Узнал в другом государстве царь, что такая красавица мучается замужем за дураком. Присылает он в это государство такие сведения, чтоб представили царевну ему в жёны. А не преставять – пойдеть войной. Пришла царевна в будку и говорить:

– Ванечка, меня отбирають из другого государства. Если я не пойду туда, то пойдуть войной.

Ваня ответил:

– Будем воевать, а туда не ходи!

Она сказала отцу, отец тоже не разрешил: лучше умереть!

И вот поехали на войну. А Иван крикнул громким голосом, богатырским свистом – прилетел жеребец. Говорит:

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

Ваня говорить:

– Надо того государя всё войско разбить.

– Тьфу, – говорить конь, – это не служба, а службишка!

Сейчас помочи метлу в навоз!

И когда выстроилось войско, Иван поехал вдоль него и повёл метлой по одной стороне и по другой – и побил всех до единого!

Государь собрал второй раз войско, опять присылают послов. Царевна пришла в будку и говорить опять... А когда побил Ваня всех, тогда царевна подошла и говорить:

– Добрый молодец, поедемте в наше государство, вас отец наградить!

Он сказал:

– Я буду, только не сейчас.

Он поехал своей дорогой, а войско – своей. Значит, присылают второй раз. Царевна пришла и опять говорить Ване. Он: «Будем воевать!» Царевна сказала отцу, он выставил своё войско.

Ваня крикнул громким голосом, богатырским свистом. Жеребец бежит – с ноздрей полымь, с ушей дым. Говорить:

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

Ваня сказал, а жеребец:

– Тыфу, это не служба, а службишка! Поедем!

Ваня в правое [ухо] влез, в левое вылез. Опять стал сильным, и лошадь стала сильной. Сев в седло и поехав. Когда приехав, войско готово воевать. Ваня опять метлой побил всех. Тому царю больше нечем воевать.

Потом царь обдумав: у него когда-то закрыто где-то осилок* самый сильный. Через несколько месяцев он истощав. Приходит [царь] к нему [к осилку] и говорит:

– Можешь воевать?

– Нет, сейчас не могу. Мне нужен отдых и поесть: за день выпивать двенадцать бочек вина, съесть двенадцать волов и двенадцать печей хлеба, тогда я буду сильный.

Так он ел двенадцать дней. Опять царь спросил:

– Можешь воевать?

Он сказал:

– Вкопайте столб, и я весь свет переверну!

Опять к царю претензия: чтоб дали невесту, а то войной пойдут. Царевна опять пришла к Ване:

– Ванечка, там теперь осилок, и наше войско всё погибнет!

– Нет, – говорит Ваня, – будем воевать!

Опять Ваня крикнув громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежит, земля дрожить, с ушей полымь, с ноздрей дым, с жопы жар сыпится. Сильный! Говорить:

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

– Надо осилка своевать!

– А, это не служба, а службишка!

Приехали, осилок уже готов, спросил:

– Ты согласен воевать?

Ваня говорит:

– Согласен!

Осилок говорит:

– Я съедаю за день двенадцать бочек вина, двенадцать печей хлеба и двенадцать волов!

А Ваня отвечает:

– Так ты обжорливая корова? А я, – говорит, – стаканчик винца и кусочек хлебца. А воевать попробуем! Разъезжайся!

Когда разъезжались, осилок ранил Ваню в руку и лошадь в ногу. Царевна подскочила, порвала свой шарф и золотую цепку. Забинтовала ногу лошади и Ване руку. Съехались ещё раз. Ваня дал осилку, тот загремел с лошади, как гром, и насмерть сразу! Война кончилась, тут подскочил царь, царевна:

– Поедьте в наше государство. Я вам опишу* государство, только поедьте!

Он [Ваня] сказал:

– Я буду у вас, но только не сейчас.

Разъехались. Ехать было нельзя. Где комыльнёт* лошадь, там яма. Всё-таки он [Ваня] уехал на своё место. Залез в будку и лёг спать. Но залез таким же красивым. А когда приехали, царевне надо ж Ване сообщить, что был такой человек, что своевал того осилка. Она как улезла в будку, как глянула, чуть не обомлела! Тот же красивый парень лежит в будке! Она посмотрела: ейные цепка и шарф. Но лошади нет. Она [царевна] отбежить от будки – вернется, думает: «Я обгляделась*!» Снов прибежить: а он спит крепким сном. Она побегла к отцу:

– Папа, это Ваня воевал!

Отец:

– Да ты что говоришь? Дурак так будет воевать! Нет, не верю!

Пришёл царь, обглядев*. А он спит. Царь говорить:

– Да, правда, он воевал! Сюда надо наших солдат, всех слуг. И как чуть пошевелится, так ударить музыка, и к нему все слуги: нужно, чтоб он опять таким не был.

Войско пришло. Он спал, проснулся и думает: «Я ж ничего не сделав, таким сплю, каким воевал!» Глядит: рука забинтована, царевна рядом сидеть. «Что же делать, – думает, –

бежать? нет?» Пошевелился – к нему все слуги, под ручки его взяли и повели в государство. Там угощение. Царевна не наглядится на него!

Царь вычитал, что где-то в степях есть коза-золотые роги. И он сказал зятьям:

– Кто достанет, тому треть государства.

Собираются два зятя. Им сушат сухари, шоколад готовят.

Царевна пришла к Ване, опять говорить:

– Ванечка, поедуть твои свояки, там, в степи, есть коза-золотые роги. Если они приведут, то царь даст им треть государства. А мы тогда куда?

Ваня:

– Тише, баба, не плачь. Это цветки, а ягодки еще будут!

Поехали они. Через несколько дней Ваня крикнул громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежить, земля дрожить.

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

Ваня:

– Козу-золотые роги надо поймать!

– Тьфу, это не служба, а службишка! Она ходить вместе с нами.

В правое [ухо] влез, в левое вылез, сел верхом и поехал. Приехали, поймали козу. Лошадь сказала, и коза пошла непривязанной. Ехали и устали. Раскинув Ваня ковёр, кинув овса. А свояки только туда едут. Они увидели козу и бросились, хотели поймать, а лошадь как даст! И чуть не растоптала!

Они стали кричать:

– Кто у этой козы хозяин, продайте!

Ваня проснулся и говорит:

– Она не продажная, а заветная*.

Они:

– А что за заветность?

Ваня:

– А с руки по мизинцу, отрежу и дам козу.

Согласились. Ваня отрезал [пальцы], положил в бумажку, в карман.

Пока они искали козу, царь услышал о свинке-золотой шерстинке. Они не успели одуматься – им новое задание! Царевна опять к Ване:

– Ванечка, отец описывает* полгосударства, кто достанет свинку-золотую шерстинку.

Ваня:

– Тише, баба, не плачь, это только цветки, а ягодки еще будут!

Ваня:

– Иди, проси у отца лошадь, и я поеду.

Пришла к отцу и говорить:

– Папа, Ваня просит лошадь, он поедет!

Царь:

– Дайте ему тую лошадь, на которой воду возять!

Ваня сел задом наперёд, хвост в зубы, ладошкой по заднице – и пошёл! Заехал за сад, тряхнул за хвост, вытряхнул мясо: «Ешьте-клюйте, вороны, свежее мясо!» А сам крикнул громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежить, земля дрожить, с ноздрей полымь, с ушей дым:

– Что тебе, Ваня, за тужба, а мне за служба?

Ваня:

– Надо найти свинку-золотую шерстинку, где-то найти!

– Она ходить вместе с нами, – говорит конь.

Ваня в правое [ухо] влез, в левое вылез – стал такой молодец! И поехал. Догнал и обогнал тех зятьев. Доехал в степи, свинку эту нашёл, она сзади за ним и пошла.

Вот он ехал, ехал, долго ехал, раскинув ковёр, насыпав овса. Свинка есть, лошадь есть. А сам лёг спать.

Пока спал, зятья приехали. Видяць: свинка стоять, золотая шерстинка. Они тоже хотели её поймать. Одни – с одной стороны, другие – с другой. А лошадь как бросилась, чуть не укусила их! Тогда они стали кричать:

– Кто этой свинки хозяин, продайте!

Ваня проснулся и говорить:

– Она не продажная, а заветная.

– А что за заветность?

– А заветность такая: с ноги по мизинцу.

Те думают:

– Это не беда, врачей много!

Согласились, Ваня обрезав по пальцу и в бумажку, в карман. И эта свинка уже пошла с ними.

Когда привезли в государство, сёстры были так рады, смеялись над своей сестрой:

– Вот ты подобрала себе дурачка, а наши мужья вот что подостали!

Царь в это время вычитал ещё, что где-то в степях ходит кобылица и в ней двенадцать сыновей.

– Кто достанет эту кобылицу, тому будет описано* всё государство, а я буду подчинённым! – сказал царь.

Царевна опять пришла к Ване:

– Ванечка, братетка, что будет нам?

Ваня:

– Тише, баба, не плачь. Это только цветки, а ягодки будут! Не плачь!

Собираются ехать те зятьи. Им и шоколада, и конфет полны мешки ўсего накладывают. Царевна пришла к Ване и говорить:

– Что будем делать?

Ваня:

– Иди проси у папки лошадь, и я поеду!

Она пришла и говорит:

– И Ваня просит лошадь, и он поедет.

Царь говорит:

– Дайте ему ту кобылу, что воду возить.

Ваня опять садится, как обычно, задом наперёд: хвост в зубы – и пошёл! Он заехал за сад, как хватил коня за хвост, так в руке шкура осталась, говорить: «Ешьте, вороны, свежее мясо!» А сам крикнув громким голосом, богатырским свистом – жеребец бежить, земля дрожить, с вушей полымь, с ноздрей дым, с жопы жар сыпится.

– Что, – говорит, – тебе за тужба, а мне за служба?

– Вот, – говорит, – кобылицу надо поймать, у которой двенадцать сыновей.

– О, – говорит, – вот тут я тебе уже не помогу! Это наша мать, у неё нас двенадцать. Но я тебе только подскажу, будешь делать сам, я тебе помогу. Ты достань двенадцать бочек смолы и

засмолишь мне двенадцать конских кож. И выкопай в лесу глубокую яму, а я стану около ямы, и ты положишь одну кожу и выльешь бочку смолы и засмолишь мне двенадцать кож и двенадцать бочек смолы. А сам влезешь в яму и возьмешь уздечку. В яму влезешь и будешь стоять. А я как заржу, так мать мой голос узнает. Она когда прибежит к яме, так мене и не узнает. Как хватить меня зубами, так все эти кожи слетят, а я вловчуся* и дам ей задом в ухо, она ввалится в эту яму, а ты не зевай: одевай оброть* и кричи: «Тпру, волчье мясо, я твой хозяин!»

Ване тут большая задача. Он поехав в город, купил двенадцать бочек смолы, двенадцать кож, привёз в лес, выкопал глубокую яму, коло ямы засмолил своего Сивку-Бурку, а сам влез в яму. Когда он заржав (а когда эта кобылица бежала, то с дерева сыпались все листья, лес стал голый: такое было дрожение), а как прибежала [кобылица],хватила зубами кожи – и все свалились, а он [Сивка] уловчился*, дав задом, так она в яму и вскочила. Он [Ваня] уловчился, уздечку надел и верхом сел, кричит: «Тпру, волчье мясо, я твой хозяин!» Она выскочила из ямы и стала подчинённой Вани.

Тогда на этой кобыле Ваня поехал, а двенадцать жеребцов сзади пошли: вот он ехал, ехал усталый. Немножко проехал, так устал, что больше дальше ехать не мог. Раскинул ковёр, насыпал овса, все лошади едят, а он спит, отойшовши.

Подъехали те зятя. Видят, что тут все лошади, хотели ближе подойти, а они не допустили. Стали кричать:

– Кто этим лошадям хозяин, продайте всё!

А он всё спал, так спал, что ему уже кричать перестали.

Тогда проснулся и говорить:

– Это лошади не продажные, а заветные.

– А что, – говорить, – за заветность?

– Со спины до самой задницы по ремню.

Это была задача похужей... Но ничего, дохторов много – они залечут, и [зятя] разрешили. Он [Ваня] подошел и вырезал им ремни такие, со спины и до задницы. Завернул – и в карман. И это, говорить: «Я на одной лошади доеду». А эти пошли сзади.

Он доехал до своего места. Опять в левое [ухо] влез, в правое вылез. Опять стал дурак, а в кармане лежить это всё.

Тогда зятя привели коней. Царь собрал зятьёв и будет описывать* государство. И Ваню туда пригласили. Когда собрали всех за стол, Ваня сразу выложив из кармана пальцы с рук.

– Это, – говорить, – коза-золотые роги!

Потом пальцы с ног:

– Это – свинка-золотая шерстинка!

Потом ремни, царь даже удивился.

– А это, – говорить, – кобылица с двенадцатью жеребцами. Всё доставал я.

Царь сейчас же сказав, чтоб зятьёв на конские хвосты порвали.

Остался в государстве Ваня с женой.